

ФРЕЙМОВАЯ АРХИТЕКТУРА КЛЮЧЕВОЙ ТЕКСТОВОЙ МЕТАФОРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. ЛОНДОНА «WHITE FANG» И «THE CALL OF THE WILD»

Статья посвящена исследованию функционирования метафоры в художественном тексте. В анализируемых произведениях выявляется система фреймов, структурирующих ключевую текстовую метафору. Особое внимание уделено фрейму «социальные отношения»: изложена его внутренняя субфреймовая архитектура и продемонстрированы взаимоотношения с другими фреймами произведения. На материале оригинальных англоязычных текстов осуществлен сравнительный анализ фреймовой архитектуры в повести «The Call of the Wild» и романе «White Fang» Дж. Лондона.

Ключевые слова: ключевая текстовая метафора; фреймовая архитектура; фрейм; субфрейм; метафорическая модель; Джек Лондон.

В настоящей работе нами предпринята попытка проинтерпретировать фреймовую архитектуру ключевой текстовой метафоры двух произведений Дж. Лондона «собака – человек».

Исследование выполнено в рамках лингвокогнитивного подхода. В целях более глубокого проникновения в ткань языка мы прибегаем не только к методам традиционной лингвистики, но и к понятиям когнитивной науки. Одним из ключевых является понятие концептуальной метафоры как связи двух понятийных областей, из которых одна, как правило, укорененная в более «базовом» опыте человека (например, опыте телесного существования), структурирует другую, более абстрактную [1. С. 16–21]. Концептуальная метафора в текстах и языке объективируется в системе лексических метафор, являющихся результатом переноса названия с одного явления на другое на основании сходства их признаков.

Другим важным инструментом исследования является понятие ключевой текстовой метафоры – концептуальной метафоры, объединяющей весь текст произведения, придающей ему смысловую целостность в процессе текстопорождения [2]. Ключевая текстовая метафора может быть представлена как единство нескольких метафорических моделей, в свою очередь являющихся лингвокогнитивным объединением ментальной схемы и ее репрезентаций в языке – лексических метафор [3].

Для представления когнитивной структуры метафорической модели и ее языковых реализаций мы выбрали формат фреймовых структур, или фреймов – структур данных для представления стереотипной ситуации, такой как *совершение покупки в магазине* или *нахождение в гостинице* [4]. Фреймы представляются в виде сети так называемых *терминалов* – ячеек, которые должны или могут быть заполнены информацией. Верхние уровни фреймов обычно фиксированы и представляют собой неотъемлемые признаки предполагаемой ситуации. Нижние уровни более открыты, однако и в них терминалы обыкновенно имеют ограничения на свойства «заполнителей». Структура фрейма и отношения между терминалами достаточно гибкие, чтобы позволить приспособление ментальной структуры к реальности жизни. При необходимости, фрейм может приобретать новые терминалы или терять имеющиеся, например, при радикальной перемене социальной реальности субъекта. По Минскому, фреймы объединя-

ются в фреймовые системы, при этом важным моментом является то, что один терминал может фигурировать в разных фреймах – именно это позволяет координировать имеющуюся у субъекта информацию о мире.

Одним из видов фрейма является сценарный фрейм, который позволяет представить определенную ситуацию как последовательность действий, процессов, отношений. В центре такого фрейма находятся динамические отношения, часто выраженные глаголами, относительно которых определяются возможные терминалы: субъекты, объекты, сирконстанты. В нашем исследовании при описании сценарных фреймов мы будем пользоваться логико-семантической терминологией.

Нами вводятся понятия фрейма сферы-источника и фрейма сферы-мишени метафорической модели. Фрейм сферы-источника является когнитивным образом и в процессе метафоризации структурирует более абстрактную или отсутствующую в человеческом опыте сферу-мишень, фрейм которой обычно имеет менее развитую структуру. Терминалы фрейма сферы-источника заполняются исходя из реальных лексических реализаций ключевой текстовой метафоры на поверхностном уровне языка в тексте произведения.

В анализируемых произведениях Дж. Лондона главным героем является собака. Внутренний мир собаки не известен человеку, и для его художественного отображения автор прибегает к широчайшему использованию антропоморфной метафоры: сферы человеческого бытия, как более четко данные в опыте, используются в качестве когнитивного основания для представления жизни собаки в художественном произведении. В рамках ключевой текстовой метафоры «собака – человек» с целью представления внутреннего мира собаки сферами-источниками метафоризации становятся закон, мораль, высшие психические функции (интеллект, воля, воображение и др.), широкий спектр социальных отношений, как личных, так и публичных, и религия.

Каждая из перечисленных областей человеческого бытия огромна и во фреймовом представлении распадается на массу субфреймов, исчерпывающее представление которых практически невозможно. Тем не менее можно утверждать, что все перечисленные фреймы в рамках метафорических моделей произведения претерпевают авторское приспособление к конкретной ситуации (по Минскому) и между ними выстраиваются особые отношения.

В обоих произведениях мы выделяем три базовых фрейма для сферы-источника ключевой антропоморфной метафоры: это фрейм *эмоции*, фрейм *ментальная деятельность* (воля и высшие психические функции) и фрейм *социальные отношения*. В свою очередь данные фреймы могут быть представлены как системы субфреймов, связанных между собою. Так, фрейм *социальные отношения* в повести «The Call of the Wild» включает в себя субфреймы *дружба / товарищество*, *рабочие отношения*, *закон и мораль*¹, *власть*, *школьное обучение и говорение*. В романе «White Fang» аналогичный фрейм включает в себя, кроме названных, еще субфрейм *религиозные отношения*.

Социальные отношения является центральным фреймом в обоих анализируемых произведениях. Подобно тому, как человек после своего рождения постепенно входит в полноту общественной жизни и его активное взаимодействие с обществом является необходимым условием формирования полноценного интеллекта и эмоций, собака формируется и развивается в общении как с себе подобными, так и с людьми. Эти отношения регулируются законом и моралью, именно в них проявляется весь эмоциональный и интеллектуальный мир собаки в том виде, каким его представляет читателю Дж. Лондон.

Между субфреймами, входящими во фрейм *социальные отношения*, также устанавливается определенная иерархия, различная для рассматриваемых произведений. В повести «The Call of the Wild» субфрейм *закон и мораль* взаимосвязан с субфреймами *дружба / товарищество*, *рабочие отношения* и регулирует взаимодействие актантов в их рамках. Главный герой – собака трудится вместе с другими собаками под руководством людей, при этом между ними возникает дружба, товарищество (а иногда и вражда). *Законодателем* является человек, именно он устанавливает те правила, которым следует собака. Собака подчиняется человеку – становится объектом власти и закона, но также может стать и их субъектом, *властителем* над другими собаками. Для обозначения процесса обучения собаки поведению в социуме используется метафора *школы*, структурируемая фреймом *школьное обучение*. В позиции субъекта-учителя иногда выступает человек, но чаще – собаки, преподаваемым же предметом (косвенным объектом) является *закон*. Субфрейм *школьное обучение* тесно взаимодействует с фреймом *ментальная деятельность* – без нее процесс обучения осуществляться не может. Из субфрейма *закон и мораль* осуществляется выход как во фрейм *эмоции* (например, запрет *злости* или предложение *дружбы*), так и во фрейм *ментальная деятельность*: закон и мораль нередко выражаются абстрактными понятиями, оперирование которыми присуще человеческому интеллекту.

Отношения собаки и человека структурированы не только фреймом *социальные отношения*. В финале повести собака познает *любовь* к человеку – в данном случае отношения любви означают субъект-субъектное взаимодействие: собака отвечает на любовь человека.

Далее мы продемонстрируем метафорические реализации, регулируемые описанными фреймами и субфреймами, что позволит увидеть множественность и комплексность взаимодействий когнитивных схем,

участвующих в текстопорождении. В скобках после оригинального текста [5, 6] дается буквальный, наиболее близкий по смыслу и форме перевод, сделанный автором исследования. Определения английских лексем даны по [7], также в нашем переводе, и для удобства чтения закавычены.

Как уже было сказано, законодателем в повести «The Call of the Wild» выступает в первую очередь человек. *A man with a club was a lawgiver, a master to be obeyed.* (Человек с дубиной был **законодателем, хозяином**, которому **нужно повиноваться**.) Лексема *lawgiver* «человек, который составляет и устанавливает законы» здесь используется по отношению к человеку, и в большинстве случаев именно человек выступает субъектом в данном отношении *человек – собака*. Глагол *obey* «подчиниться власти (кого-л.) или соответствовать (закону)» является одним из ключевых для субфреймов *закон и власть*: повиновение может быть по отношению к закону или субъекту власти (человеку или другой собаке, например, вожак упряжки или стаи).

Закон оказывается как бы «ниспослан» от человека собаке, которая далее распространяет и поддерживает этот закон среди себе подобных. *But it was in giving the law and making his mates live up to it, that Buck excelled.* (Но именно в **установлении закона и принуждении своих товарищей соответствовать ему** отличался Бэк.) Слово сочетание *giving the law* (букв. «установление закона») по отношению к собаке является манифестацией ключевой текстовой метафоры «собака – человек», так как все варианты лексемы *law* «закон», возможные в рассматриваемом фрагменте, так или иначе обозначают систему правил, установленную и соблюдаемую человеком, часто имеют юридический смысл – «система правил, которую страна или община признает в качестве регулирующей действия ее членов и соблюдение которой обеспечивает наложением наказаний; отдельное правило как часть такой системы; что-л., рассматриваемое как имеющее обязывающую силу или действие». Дж. Лондон метафорически наделяет собаку способностью понимать закон, его разновидности и сознательно соблюдать его, повиноваться.

Обучение закону в повести «The Call of the Wild» структурируется фреймом *школьное обучение*. Собаку может обучать человек, как в следующем фрагменте, – тогда он становится субъектом в отношениях обучения *человек – собака*. *Again and again, as he looked at each brutal performance, the lesson was driven home to Buck* (Снова и снова, когда он наблюдал это зверское зрелище, Бэку **вдалбливался урок**.) Фразеологический оборот *drive/bring sth home to sb.* имеет значение «заставить (кого-л.) целиком осознать значимость чего-л.», в данном случае – урока, и выявляет связь субфрейма *школьное обучение* и фрейма *ментальная деятельность* с субфреймом *закон и мораль*.

Собака может преподавать закон другой собаке. *He had learned well the law of club and fang. He had lessened from Spitz... and knew there was no middle course. He must master or be mastered; while to show mercy was a weakness. Mercy did not exist in the primordial life. Kill or be killed, eat or be eaten, was the law; and this mandate, down out of the depths of Time, he obeyed.* (Он хо-

рошо усвоил закон дубины и клыка. Он брал уроки у Шпица... и знал, что середины нет. Он должен одолеть, либо его одолеют, в то время как щадить врага было слабостью. Милосердие не существовало в первобытной жизни. Убивай или будешь убит, ешь или тебя съедят – таков был закон. И этому закону, из глубины времени, он повиновался.) Конверсивный глагол *lesson* «учиться, брать уроки», «инструктировать или учить (кого-л.)» относится к метафорической модели «собака – ученик». Субъектами социальных отношений в рамках субфрейма выступают собаки. Нужно отметить, что в данном фрагменте мы сталкиваемся с исключением: источником закона выступает не только собака *Spitz*, но сама природа, что характерно для наиболее первобытного, «зверского» закона. Он выражен лексемой *mandate*, которая, как существительное *law* «закон», имплицитно собаке понимание социальной ответственности или юридических основ общества (*mandate* «официальный приказ или поручение сделать что-л.»). Бэк повинуется закону природы: лексема *obey* реализована в варианте «подчиниться власти (кого-л.) или подчиниться (закону)». В данном фрагменте субфрейм *закон и мораль* взаимодействует с субфреймом *власть*: глагол *master* «взять контроль над; преодолеть» выражает отношение подчинения между собаками: одна из них – субъект власти, а другие – объекты. Кроме того, закон исключает одно из чувств, метафорически приписанных собаке, – милосердие. Таким образом, осуществляется выход во фрейм *чувства и эмоции*. Тем не менее, *милосердие*, будучи эмоцией, имеет социальную природу.

Собака в анализируемом произведении обладает не только сознанием закона, но и моралью, также полученной во взаимоотношениях с человеком и его законом. Так, например, совершение преступления собакой ведет не только к наказанию (лексемы *punish*, *punishment* и их синонимы постоянно сопровождают описание взаимодействия собак с собаками и людей с собаками), но и к нравственной деградации, что видно из следующего фрагмента. *It marked, further, the decay or going to pieces of his moral nature. (Кроме того, это обозначило разложение или растление его нравственной природы.)* Словосочетание *decay of his moral nature* прямо приписывает собаке нравственные качества.

В романе «White Fang» иерархия и взаимодействие фреймов и субфреймов в целом схожи с повестью «The Call of the Wild», однако повиновение человеку и его закону имеет религиозное основание. Субфрейм *религиозные отношения* широко реализуется на протяжении всего текста романа, и это – его главное отличие от анализируемой нами повести. Люди-боги «ниспосылают» закон собакам, являются по отношению к ним субъектами власти; в свою очередь, как и в повести «The Call of the Wild», собаки могут становиться субъектами «божественного закона» по отношению к другим собакам. *They were superior creatures, of a verity, gods. To his dim comprehension they were as much wonder-workers as gods are to men. They were creatures of mastery, possessing all manner of unknown and impossible potencies, overlords of the alive and the not alive... They were gods! (Они были высшими существами, по-*

истине богами. В его смутном понимании они были такими же чудотворцами, как боги для людей. Они были существами-властителями, обладающими самыми разными неизвестными и невозможными силами, повелителями живого и неживого... Они были богами!)

Люди-боги, законодатели и хозяева собак, имеют множество наименований. Словосочетание *superior creatures* «высшие существа» (*superior* «высший по рангу, статусу или качеству») приписывает собаке восприятие иерархии окружающей ее социальной действительности. Наиболее часто употребляемая для наименования людей с точки зрения собаки лексема *god* употребляется на протяжении всего романа в ЛСВ «сверхчеловеческое существо или дух, которому поклоняются как имеющему власть над природой или человеческими судьбами; божество». Лексема *deity*, используемая в дефиниции, определяется как «бог или богиня (в политеистической религии)». Лексема *wonder-worker* «человек, совершающий чудеса» имплицитно собаке понятие *чуда* (*miracle* «выдающееся и благоприятное событие, необъяснимое естественными или научными законами и поэтому относимое к божественному действию»). Существительное *overlord* «правитель, особенно феодальный лорд» в данном контексте связывает субфрейм *религиозные отношения* с субфреймом *власть* и помещает собаку в систему социальных отношений как объекта закона в субфрейме *закон и мораль*.

Метафора человека как бога-законодателя получает свое развитие на протяжении всего романа. *Never, no matter what the circumstance, must he dare to bite the god who was lord and master over him; the body of the lord and master was sacred, not to be defiled by the teeth of such as he. That was evidently the crime of crimes, the one offence there was no condoning nor overlooking. (Никогда, ни при каких обстоятельствах, нельзя кусать бога, твоего хозяина и повелителя; тело бога священо, и зубы таких, как он, не должны осквернять его. Это считалось, очевидно, преступлением преступлений, тем самым страшным проступком, на который нельзя было ни закрыть глаза, ни оказать снисхождения.)* Человек-бог прямо именуется в данном фрагменте повелителем и хозяином собаки; в рамках субфрейма *религиозные отношения* его телу присваиваются атрибуты *священного* – прилагательное *sacred* «священный», «рассматриваемый с большим уважением и преклонением конкретной религией, группой или человеком», вводится запрет на *осквернение* – глагол *defile* «осквернить или профанировать (что-л. священное)». Осквернение, в свою очередь, объявляется *преступлением*, происходит взаимодействие с субфреймом *закон и мораль*. Лексемы *crime* «действие или бездействие, которое составляет нарушение и наказывается законом; действие или деятельность, считающаяся злой, постыдной или неправильной», *offence* «нарушение закона или правила; незаконное действие; то, что составляет нарушение того, что считается правильным или естественным» относятся к юридической сфере и по отношению к собаке также представляют собой метафору. Глаголы *condone* «принимать (поведение, которое считается морально неправильным или оскорби-

тельным», *overlook* «игнорировать или не придавать значения (чему-л., особенно недостатку или преступлению)» наделяют богов властью прощать преступления.

В соответствии с положением верховного законодателя боги вершат правосудие. Объектом в таких отношениях всегда выступают собаки. *This was the man-animal's justice; and even then, in his own pitiable plight, White Fang experienced a little grateful thrill. And so it came that White Fang learned that the right to punish was something the gods reserved for themselves and denied to the lesser creatures under them.* (Такова была **справедливость** человека-животного, и Белый Клык, даже в своем жалком состоянии, почувствовал слабый прилив **благодарности** к человеку. И так случилось, что Белый Клык узнал, что **право наказывать** было тем, что боги оставляют за собой, а менее значимым тварям, **подвластным** им, отказывают в нем.) Лексема *justice* «справедливое, беспристрастное поведение, обращение; применение закона или власти для его поддержки» означает как отношение между субъектом и объектом в субфрейме *закон и мораль*, так и свойство богов как субъектов закона. В контексте фрагмента собака осознает человека не только как законодателя, но и исполнителя закона: он наказывает и имеет на это *право* (свойство человека в качестве субъекта в отношениях правосудия) – «нравственное или юридическое разрешение иметь или сделать что-л.». Нужно отметить, что право может принадлежать и собаке, если ее наделил им человек. Лексема *grateful* «благодарный», «чувствующий или проявляющий признательность за что-л. сделанное или полученное» означает социально обусловленную эмоцию, присущую человеку, и по отношению к собаке является метафорой. Собака *благодарна* за проявление богами правосудия, которое оказалось на ее стороне. В данном случае в качестве дополнительного результата в отношениях закона выступает конкретная эмоция, находящаяся в соответствующем фрейме.

Как и в повести «The Call of the Wild», дисциплина и закон, установленные богами, поддерживаются собаками между собой. *As rigid as the sled-discipline of the gods, was the discipline maintained by White Fang amongst his fellows. He never allowed them any latitude. He compelled them to an unremitting respect for him. ...And he would be upon them, merciless and cruel, swiftly convincing them of the error of their way. ...He was a monstrous tyrant. His mastery was rigid as steel. He oppressed the weak with a vengeance.* (Такой же суровой, как и **дисциплина богов** в упряжке, была **дисциплина, поддерживаемая** Белым Клыком среди своих **товарищей**. Он никогда не делал им **послаблений**. Он **принуждал** их к неизменному **уважению**. ...И часто он набрасывался на них, безжалостный и жестокий, скоро **убеждая их в том, что они погрешили**. ...Он был **чудовищным тираном**. Его **власть** была крепка как сталь.) В данном фрагменте *discipline* «практика тренировки людей с целью обучить их следовать правилам или кодексу поведения» [OED]) выступает как отношение между собаками, которое поддерживается (*maintain*) Белым Клыком. Кроме того, Белый Клык не дает другим собакам вольностей (*latitude* «пространство для

свободы действия или мысли»), принуждает (*compel* «принуждать или обязывать (кого-л.) сделать что-л.») уважать его, признавать его власть (*acknowledge his mastery*). В этом случае устанавливается связь с субфреймом *власть* и субфреймом *рабочие отношения*, так как именно они в данном случае регулируются Белым Клыком. Глагол *convince* «заставить (кого-л.) твердо поверить в истинность чего-л.» в словосочетании *convince of the error of one's way* (букв. «убедить в том, что погрешил, поступил неправильно»), ср. устойчивое выражение *realize the error of one's ways* – «осознать или признать свой грех, преступление») относится к ЛСГ мышления. Его использование демонстрирует связь субфрейма *закон и мораль* с фреймом *ментальная деятельность*. Собака в рамках авторской реализации фрейма *социальные отношения* именуется тираном (*tyrant* «жестокий и угнетающий правитель»), который угнетает (*oppress* «держат (кого-л.) в подчинении и тяжелых условиях, особенно путем несправедливого применения власти») своих подданных – в данном случае собак.

Субъект и объект в отношениях власти между собаками могут меняться местами. Результатом этого является переворот. *With the overthrow of Lip-lip, White Fang could have become leader of the pack. But he was too morose and solitary for that.* (После **падения** Лип-Липа Белый Клык мог бы сделаться **вожаком стаи**. Но он был **слишком угрюм и замкнут** для этого.) Лексема *overthrow* («отстранение от власти») используется в контексте общественных отношений власти и по отношению к собаке является метафорой. Необходимо также отметить взаимодействие в данном фрагменте фрейма *эмоции* и субфрейма *власть*: свойства угрюмости, склонности к одиночеству препятствуют занятию определенной властной позиции – лидерства (в анализируемых произведениях лексемы *leadership, leader* часто применяются по отношению к собакам).

Законы, установленные богами, не только узнаются собакой, но и уточняются, модифицируются ею, в чем проявляется взаимодействие между фреймом *ментальная деятельность* и фреймом *социальные отношения*. *In the course of resenting the evil of the hands of the man-animals, he came to modify the law that he had learned from Gray Beaver; namely, that the unpardonable crime was to bite one of the gods.* (Остерегаясь зла, исходящего от человеческих рук, он **уточнил закон**, который узнал от Серого Бобра, а именно, то, что **укусить одного из богов** было **непростительным преступлением**.) Словосочетание *modify law* (букв. «изменить закон») приписывает собаке не только понимание, но и модификацию закона в смысле уточнения. Из этого же фрагмента можно заключить, что у собаки есть *понятия* о разных категориях преступлений, легких и тяжких: словосочетание *unpardonable crime* «(о вине или преступлении) слишком серьезный, чтобы быть прощенным» показывает, что нарушение закона богов может быть прощено, а может оказаться непростительным.

Элементарные общественные законы собака познает сама путем мыслительных операций: классификаций и обобщений. *And out of this classification arose the law.* (Из этой **классификации** возник **закон**.) Лексема *classification* «классификация» от глагола *classify* «пόμε-

шать (группу людей или вещей) по классам или категориям согласно разделяемым признакам или чертам» означает одну из базовых когнитивных операций человека и по отношению к собаке является реализацией ключевой текстовой антропоморфной метафоры. Фрейм *психическая деятельность* является необходимым для успешного функционирования фрейма *социальные отношения*: большинство понятий общественной жизни и морали являются абстрактными, неочевидными и не относящимися к базовому телесному опыту, вследствие чего возникает необходимость использования антропоморфной метафоры – перенесения умственных способностей человека на собаку.

Но отношения собаки и богов не ограничиваются только рамками закона. В финале повести «The Call of the Wild» собака открывает для себя новое, до того не знакомое чувство – любовь к хозяину. Дж. Лондон эксплицитно прописывает некоторые из тех отношений, которые главный герой – собака Бэк – имел с людьми до этого времени: *working partnership* (букв. «рабочее партнерство» – с сыновьями бывшего хозяина), *pompous guardianship* (букв. «помпезное опекуновство» – над его внуками), *stately and dignified friendship* (букв. «исполненная достоинства дружба» – с самим хозяином). Их атрибутами являются преданность (*faithfulness*), чувство долга (*duty*), достоинство и степенность (*dignity*), однако этим отношениям не сопутствует чувство любви. Тем не менее, собака, ее представления и эмоциональный мир развиваются, и отношения службы и преданности перерастают в любовь.

But love that was feverish and burning, that was adoration, that was madness, it had taken John Thornton to arouse. ...Love, genuine passionate love, was his for the first time. (Потребовался Джон Торнтон, чтобы пробудить в нем лихорадочную и пылкую любовь, которая была обожанием, безумием. ...Впервые он узнал любовь, любовь истинную и страстную.) Лексема *love* «сильное чувство привязанности» или «то расположение или состояние чувств относительно человека (происходящее из признания привлекательных качеств, от инстинктов естественных отношений, или от сочувствия), которое проявляет себя в заботе о благополучии объекта, а также обычно в чувстве радости в ее / его присутствии и желании его / ее одобрения; теплая привязанность» [8] может использоваться в английском языке в сочетании с наименованиями и человека, и собаки в субъектной позиции. Однако культурная и коннотативная нагруженность данной лексемы заставляет отнести ее прежде всего к человеку, а ее применение к собаке рассматривать как метафору. Тема чувства любви к хозяину у собаки поднимается в произведениях Джека Лондона неоднократно, и для ее описания писатель прибегает к лексемам, описывающим человеческую любовь, а не просто собачью преданность. Такие атрибуты, как *feverish, burning, genuine, passionate*, характеризуют любовь как букв. «горящую, лихорадочную, истинную, страстную». Лексема *adoration* «обожание; поклонение» (*adore* «глубоко любить и уважать (кого-л.); поклоняться; благоговеть») может выражать высшую степень любви.

В романе «White Fang» любовь возникает как развитее, с одной стороны, отношений подчинения, с дру-

гой – поклонения богам. *The possession of a god implies service. White Fang's was a service of duty and awe, but not of love. He did not know what love was. He had no experience of love. (Наличие бога подразумевает служение. Служение Белого Клыка было служением долга и благоговения, но не любви. Он не знал, что такое любовь. У него не было опыта любви.)* Существительное *service* «служение, служба» («церемония религиозного поклонения, согласно предписанной форме») в авторском преломлении служит для обозначения религиозных отношений собаки к человеку-богу, где собака – субъект, а человек – объект поклонения. В данном случае собака руководствуется чувством долга и благоговения (*awe* «чувство благоговейного уважения, смешанное со страхом или удивлением»), затем появляется отношение симпатии (*like*), затем – любви.

Like had been replaced by love. And love was the plummet dropped down into the depths of him where like had never gone. That which was given unto him did he return. This was a god indeed, a love-god, a warm and radiant god, in whose light White Fang's nature expanded as a flower expands under the sun. (Любовь заменила склонность. Любовь запала в такие его глубины, куда никогда не проникала склонность. За любовь Белый Клык платил любовью. Это поистине был бог, бог-любовь, лучезарный и теплый бог, в свете которого натура Белого Клыка расцвела, как цветок под лучами солнца.) Лексемы, служащие для характеристик человека-бога – *love-god* «бог любви», *radiant* «излучающий большую радость, любовь или здоровье» расширяют религиозную сторону метафоры «собака – человек», служат свойствами участника религиозных отношений – бога, а отношение любви оказывается выше всех других, на которые способна собака.

Фрейм *эмоции* взаимодействует с фреймом *социальные отношения* не только в области эмоций, обусловленных существованием общества. Отношения собак между собой сопровождаются и более базовыми эмоциями, такими, например, как гнев или злость. Субъектом эмоции выступает собака, объектом может быть как собака, так и человек. *Hardly had the carriage entered the grounds, when he was set upon by a sheep-dog, bright-eyed, sharp-muzzled, righteously indignant and angry. (Едва только коляска въехала в аллею, как на него с горящими глазами налетела овчарка, в порыве праведного гнева и злобы.)* В то время как прилагательное *indignant* (*indignation* «злость или раздражение, вызванные тем, что воспринимается как несправедливое обращение») приписывает собаке реакцию на нарушение справедливости (возмущение), атрибут *angry* «ощущающий или проявляющий сильное раздражение, недовольство или враждебность; исполненный гнева» означает любой гнев в принципе.

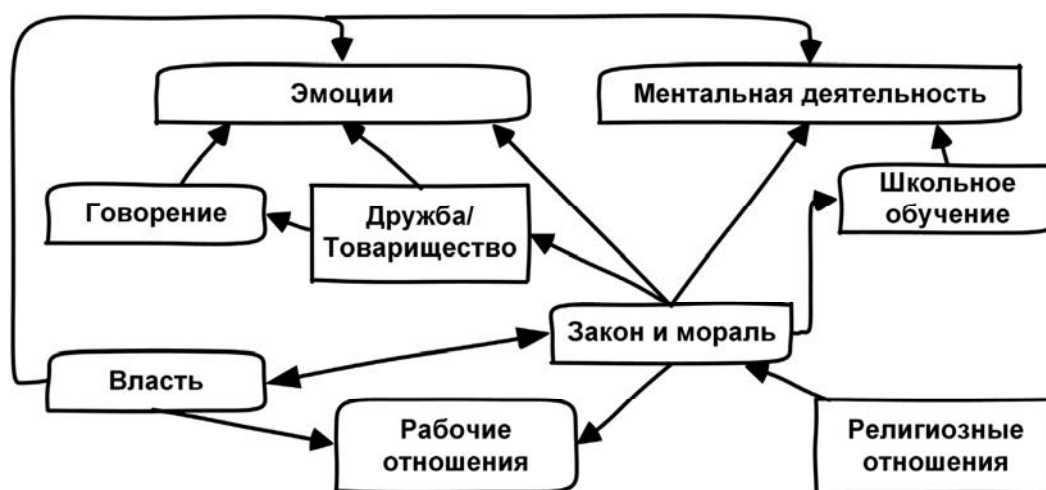
Рабочие и дружеские отношения собак сопровождают и положительные эмоции. *He worked faithfully in the harness, for the toil had become a delight to him. (Он хорошо работал в упряжке, потому что это стало для него удовольствием.)* Лексема *delight* «большое удовольствие» выражает эмоцию, присущую собаке и человеку, что относит ее к периферии метафорической модели «собака – человек».

С субфреймом *дружба / товарищество* связаны и вербальные выражения ссоры между собаками. *They*

quarreled and bickered more than ever among themselves, till at times the camp was a howling bedlam. Dave and Solleks alone were unaltered, though they were made irritable by the unending squabbling. (Они *грызлись и ссорились* чаще прежнего, и по временам лагерь превращался в воющий бедлам. Только Дэйв и Соллекс вели себя, как всегда, хотя и они стали более раздражительными из-за этой бесконечной *ругани*.) Лексема *squabbling* (герундий от глагола *squabble* «шумный спор о чем-л. незначительном») синонимична таким лексемам, как *quarrel* «спорить о мелких и незначительных вопросах», *bicker* «спорить о мелких и незначительных вопросах», *argue* «обмениваться или выражать различные или противоположные взгляды, обычно разгоряченным или гневным образом», *strife* «гневное, жестокое разногласие по поводу фундаментальных вопросов; конфликт». Все они выражают несогласие, в том числе

вербальное. Метафоричность этих выражений и их регулярное появление на страницах анализируемых произведений позволили выделить их в отдельный субфрейм *говорение*, тесно взаимодействующий с субфреймами *рабочие отношения* и *дружба / товарищество*. В рамках этого субфрейма субъектами *говора* выступают собаки (разумеется, люди не лишены способности говорить, в том числе и с собаками). В финале романа «White Fang» главный герой – собака обращается с «речью» и к людям, что выражается соответствующими лексемами.

Разнообразие отношений в рамках фреймов и связей между ними не позволяет вместить подробное описание всей фреймовой системы в одну статью. Тем не менее, можно резюмировать выявленные в анализируемых произведениях фреймы и их соотношения в виде следующей схемы:

Выраженная в данной схеме когнитивная установка функционирует и в других произведениях Дж. Лондона, посвященных собакам. Практически наверняка можно утверждать, что в качестве концептуального ядра этих

произведений она не претерпевает существенных изменений в своей структуре, хотя та или отдельная область реализаций ключевой текстовой метафоры может варьироваться и количественно, и качественно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы сознательно объединили метафорические реализации, связанные с понятием закона и морали, в один субфрейм: в анализируемых произведениях установителями и того, и другого по отношению к собакам являются люди, наименования соответствующих понятий нередко соседствуют друг с другом, а нарушение одного часто влечет и нарушение другого, что отражено, например, в понятии *преступление*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. 2nd ed. Chicago : The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
2. Резанова З.И. Метафора в художественном тексте: проблемы текstopорождения // Художественный текст и языковая личность : материалы III Всероссийской конференции. Томск, 2003. С. 201–206.
3. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: иден, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
4. Minsky M. *A Framework for Representing Knowledge* // *The Psychology of Computer Vision*. McGraw-Hill, 1975. 282 p.
5. London J. *The Call of the Wild* : электронная библиотека Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. USA., 2013. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/215> (дата обращения: 2.04.2013).
6. London J. *White Fang* : электронная библиотека Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. USA., 2012. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/910> (дата обращения: 2.04.2013).
7. *Oxford Dictionary of English* / ed. C. Soanes. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2005. 2110 p.
8. *Oxford English Dictionary* : OED on CD-ROM. 2nd ed. OUP, 2009. 1 CD-ROM.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2013 г.